

ИЗВѢСТІЯ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Подъ редакціей Правителя Дѣла И. И. Серебrenникова.

Томъ XLV. 1916 годъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ
Дмитрія Александровича
Клеменца.

И Р К У Т С К Ъ.
Типографія Иркутскаго Т-ва Печатнаго Дѣла.

1917.

Дмитрій Александровичъ
Клеменць въ 187⁵/₆ г.

Экспедиція Д. А. Клеменца въ Турфанъ въ 1898 году.

—3—

Экспедиція Дмитрія Александровича Клеменца въ Турфанъ въ 1898 году была совершена имъ вмѣстѣ съ его женою Елизаветою Николаевною и Михаиломъ Степановичемъ Андреевымъ, по порученію Императорской Академіи Наукъ. Экспедиція эта является настолько опредѣленною гранью въ нашемъ изученіи древностей Китайскаго Туркестана, что вполне заслуживаетъ болѣе подробнаго освѣщенія.*)

Исторія возникновенія Турфанской экспедиціи такова. Въ 1896 году въ Императорское Русское Географическое Общество поступилъ мѣшокъ съ обрывками китайскихъ и уйгурскихъ рукописей, подобранныхъ и купленныхъ въ разныхъ мѣстахъ Турфанскаго оазиса, главнымъ образомъ, повидимому, въ Идикут-шари и Туюк-мазарѣ экспедиціею, совершенною въ Среднюю Азію В. И. Роборовскимъ и П. К. Козловымъ въ 1894—1895 г. г. Секретарь Общества Александръ Васильевичъ Григорьевъ, съ присущимъ ему горячимъ и широкимъ интересомъ ко всему, что касалось Средней Азіи, искалъ возможности разобраться въ содержимомъ мѣшка.

*) Источниками намъ служили: 1) дневникъ Д. А. въ небольшой клеенчатой тетради; писанъ карандашомъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ много стерся; 2) записи Д. А. о древностяхъ Турфана, карандашомъ въ клеенчатой тетради, въ четвертую долю листа; 3) небольшой альбомъ съ рисунками карандашомъ, рукою Д. А.; 4) протоколы конференціи И. Ак. Н.; здѣсь, напечатано письмо Д. А. къ академику В. В. Радлову отъ 30/x 1898 изъ Чугучака, перепечатанное потомъ въ Изв. Ак. Н. 1899 г.; 5) Книга Д. А. пореведенная съ его рукописи на нѣмецкій языкъ покойнымъ д-ромъ Галлеромъ: „Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan.“ St.-Petersburg 1899 г., 6. Отчетъ Имп. Русск. Геогр. Общества за 1898 г. СПб. 1899 г., стр. 20—24.

Онъ обратился къ С. Θ. Ольденбургу, который вмѣстѣ съ А. О. Ивановскимъ разобралъ рукописи и нашелъ обрывки китайскіе, уйгурскіе, санскритскіе и двуязычные: уйгурскіе съ санскритской транскрипціей; онъ ихъ представилъ В. В. Радлову, который, заинтересовавшись рукописями, сдѣлалъ о нихъ докладъ въ Академіи Наукъ. Отдѣленіе историческихъ наукъ и филологіи избрало комиссію изъ академикъ: В. В. Радлова, К. Г. Залемана и барона В. Р. Розена, которая и предложила командировать Д. А. Клеменца для изслѣдованія главнымъ образомъ Туюк-мазара и Идикут-шари, а по возможности и древностей другихъ мѣстъ Турфанскаго края; срокомъ экспедиціи назначено было 4 мѣсяца; экспедиція была снабжена фотографическимъ аппаратомъ, инструментами для съемки и для эстампажа надписей.

Въ первой половинѣ мая экспедиція отправилась изъ С.-Петербурга, черезъ Барнаулъ, Бійскъ, Кош-агачъ въ Кобдо. 15 Юля Клеменцы были въ Кобдо, 13 Августа прибыли въ Гучень, откуда выѣхали на Урумчи по большой дорогѣ 17 августа, немного отдохнувъ и переснарядившись послѣ утомительнаго перехода по Гоби. Разсмотрѣніе этой части пути не входитъ въ нашу задачу, и мы начинаемъ поэтому съ Гучена. Изъ пути за Гученемъ по направленію къ Урумчи слѣдуетъ отмѣтить рядъ замѣтокъ Д. А. о состояніи пути, хлѣбопашества и т. п.: его всегда интересовала хозяйственная сторона быта туземцевъ. Считаемъ не лишнимъ дать выписку изъ дневника относительно первой остановки послѣ Гучена, мѣстечка Джимисар. ¹⁾

„18 Августа. Джимиса довольно порядочное мѣстечко. Оно выросло наново рядомъ съ разрушеннымъ дунганами городомъ. Отъ стараго осталась полуразрушенная и наново возобновленная кумирня. Среди этихъ развалинъ, по словамъ Чжимисарскихъ сартовъ, много камней писанныхъ, много идоловъ. Пошли смотрѣть: надписи оказались новѣйшими китайскими писаніями; идолы—фигуры львовъ изъ чугуна, отлитыя въ Китаѣ или, м. б., въ Долонъ-норѣ. Развалины

¹⁾ Относительно этой мѣстности см. теперь статью покойнаго В. В. Долбежева, оконченную въ 1909 году и изданную въ 1915 г., съ примѣчаніями В. Л. Котвича: «Въ поискахъ развалинъ Бишбалыка» З. В. О. П. Р. А. О. ХХІІІ 77—121 (съ тремя таблицами). Здѣсь указана соответствующая литература.

всѣ настолько новы, что приписать имъ какое-либо историческое значеніе невозможно.

Во время прогулокъ нашихъ по городу безотвязная толпа, какъ водится, слѣдовала за нами по пятамъ. Одинъ какой-то, довольно почтенный съ вида китаецъ присталъ ко мнѣ съ требованіемъ продать мою трубку, другой безъ церемоніи схватился за фотобинокль, такъ что пришлось заставить его убрать лапы.

Около Джимисара есть въ горахъ монастырь, про который говорятъ, что тамъ есть изображеніе національнаго торгоутскаго богатыря Ябу-ханъ Мергена. Про него слышно два сказанія. Первое гласитъ, что это былъ великій богатырь, котораго очень боялись китайцы. Китайскій ханъ послать за нимъ хитраго челоуѣка, чтобы тотъ заманилъ богатыря въ Пекинъ; тотъ поѣхалъ, а китаецъ постепенно отравлялъ его. Дѣйствіе отравы кончилось тѣмъ, что богатырь уснулъ и окаменѣлъ. Окаменѣлый богатырь хранится въ пещерѣ въ монастырѣ, но китайцы, завѣдующіе монастыремъ, не показываютъ его. Въмѣсто него, они сдѣлали подобіе первой статуи и выдаютъ ее за настоящую; но Цагант-гегенъ, побывавъ въ этомъ монастырѣ, обнаружилъ подлогъ; но все-таки монголовъ рѣдко допускаютъ китайцы до настоящаго богатыря, а тѣ, которымъ удается побывать тамъ, обыкновенно сильно хвораютъ послѣ этого, потому что воздухъ въ пещерѣ проникнутъ отравой, отъ которой погибъ торгоутскій герой.

Другая легенда, рассказанная мнѣ каршарскимъ ламой, который ѣхалъ съ нами, гласитъ слѣдующее: птица Ханъ-Гариде повадилась летать надъ Китаемъ и часто заслоняла собою солнце и мѣсяць. Ханъ китайскій, прослышавъ про сильнаго торгоутскаго богатыря, велѣлъ представить его въ скорѣйшемъ времени въ Пекинъ, въ расчетѣ, что онъ одинъ можетъ освободить страну отъ чудовищной птицы. Богатырь былъ очень великъ ростомъ. Для перевозки его устроили телѣгу, въ которую запрягли 200 муловъ. Богатырь наложилъ на нее руку, и телѣга изломалась. Устроили другую, еще больше первой, запрягли 700 муловъ, богатырь занесъ на нее ногу и раздавилъ экипажъ вмѣстѣ съ мулами. Ввиду невозможности доѣхать до Пекина на

какомъ-либѣ экипажѣ, торгоутскій богатырь пошелъ туда пѣшкомъ, почему и прозванъ Ябуханъ-Мергенъ—пѣшій богатырь.

Царь Китайскій не зналъ, какъ и встрѣтить Ябухана. Хотѣлъ одарить его богатымъ платьемъ; но съ этимъ было много хлопотъ: на одинъ сапогъ не хватило двухъ большихъ конскихъ кожъ.

Ябуханъ какъ пріѣхалъ, заказалъ, чтобы ему сдѣлали стрѣлу въ 70 алдановъ*) длиной. Была сдѣлана такая стрѣла». Здѣсь запись обрывается почему-то. Мы сдѣлали эту длинную выписку изъ дневника съ одной стороны, чтобъ дать образчикъ записей Д. А. съ другою,—чтобъ показать, на какой зыбкой почвѣ невольно должны покоиться показанія путешественниковъ, и съ какою осторожностью приходится путешественнику пользоваться получаемыми имъ на мѣстахъ свѣдѣніями. Д. А., какъ опытный и осторожный путешественникъ, только занесъ въ свой дневникъ запись двухъ легендъ, носящихъ, несомнѣнно, совершенно случайный характеръ и, м. б., даже нарочито для него сымпровизованныхъ въ примѣненіи къ данному мѣсту. Ясно, что сообщавшіе, даже первый, были не мѣстные люди, что это были монголы, мало интересовавшіеся дѣйствительностью, ибо рѣчь шла о пещерѣ, чрезвычайно извѣстной въ тѣхъ мѣстахъ и заключающей въ себѣ громадную лежащую статую Будды. Это т. н. китайцами, „цзень-фо-дун“—«Пещера 1000 буддъ». Путешественникъ, разспросившій мѣстныхъ людей, получилъ бы, несомнѣнно, иныя свѣдѣнія, чѣмъ Д. А. Мы уже сказали, что Д. А., съ присущей ему осторожностью, нигдѣ не использовалъ случайной записи своего дневника, хорошо понимая всю ея ненадежность и сознавая, какъ легко путешественникъ, вводя подобныя случайныя записи въ научный обиходъ, можетъ создать фантастическія представленія, какъ о несуществующихъ «мѣстныхъ» легендахъ, такъ и о мнимыхъ историческихъ воспоминаніяхъ.

Конецъ августа находитъ Клеменцевъ уже въ Урумчи, откуда Д. А., въ которомъ всегда преобладали симпатіи географа и геолога, рѣшилъ отправиться на Богдо-ула,

*) Мѣра приблизительно въ сажень, по указанію А. Д. Руднева.

хотя это и не входило собственно въ планъ его экспедиціи. Всякій, кому посчастливилось видѣть эту величественную и чарующую своими снѣжными вершинами гору, хорошо пойметъ, что Д. А. не могъ удержаться отъ этой поѣздки; 26 августа они выѣхали изъ Урумчи, изъ-за снѣговъ имъ не удалось подняться на вершины, но они побывали у знаменитаго озера: „этимъ визитомъ на озеро, „записываетъ въ дневникъ Д. А.“, и окончилась наша экспедиція къ подножію престола Божія“. 31 они вернулись въ Урумчи, откуда 5 сентября обычной арбяной дорогой поѣхали въ Турфанъ, нанявъ «не безъ хлопотъ» пару телѣгъ. 9 сентября проѣзжаютъ мимо стараго города на Ярѣ.

«Верстахъ въ 10 отъ Кабырга протекаетъ сквозь эти каньоны рѣчка Ярѣ. Здѣсь встрѣчаются снова поселенія, мѣстечки, засаженныя тополями, хлопкомъ и сорго. Поднявшись изъ устья этой рѣчки, видимъ на противоположной сторонѣ развалины древняго города — Ярѣ. Его также называютъ и Идыкутъ шары, какъ находящійся около оазиса Туѣкъ. За подъемомъ начинаются въ перемежку поля и усадьбы, цѣлый рядъ линій карысей пересѣкаютъ дорогу. Тамъ, гдѣ нѣтъ усадебъ, настоящая Гоби. Версты черезъ три начинаются сады Турфана, и мы въѣжаемъ, окруженные цѣлой толпой любопытныхъ, мальчишекъ и взрослыхъ, въ мусульманскій Турфанъ“.

Несмотря на непонятное отсутствіе указаній въ дневникѣ, несомнѣнно, что именно ко времени между 9 сентября и 14 относится посѣщеніе экспедиціею развалинъ стараго города на Ярѣ, т. к. этими днями отмѣчены пріѣздъ въ Турфанъ и отѣздъ изъ него: въ теченіе пяти дней нечего было дѣлать въ мусульманскомъ Турфанѣ, и отсюда удобнѣе всего посѣщать городъ на Ярѣ; изъ дальнѣйшихъ записей дневника видно, что въ другое время Д. А. не могъ быть на Ярѣ.

14 сентября двинулись обычной восточной дорогой мимо стараго Турфана черезъ Читканъ, гдѣ переночевали. Лангаръ, Ауатъ, Астану, Караходжу, гдѣ и остановились около развалинъ Идикутъ-шары. 16 сентября передневали, а 17 перекочевали въ Сенгимагызъ.*) Отсюда 19 сентября

*) Д. А. пишетъ Идыкутъ-шары, (на картѣ Идыготъ-шары, въ нѣмецкомъ Jdykut-Schari), Сенгимагызъ.

направились въ Безекликъ который Д. А. называетъ по близь лежащему селенію Муртукъ. Здѣсь опять пропускъ въ дневникъ, гдѣ мы находимъ уже указаніе только на 26 сентября, день выѣзда изъ Туюка,*) откуда экспедиція двинулась въ Сыркипъ,**) куда прибыли къ ночи, на слѣдующій день 27 двинулись въ Пичанъ, откуда уже 28 повернули назадъ въ Сыркипъ, чтобы осмотрѣть старинное буддійское зданіе и угольные копи, гдѣ провели часть дня 29 сентября, пріѣхавъ затѣмъ въ Люкчунъ, гдѣ провели 30; 1-го октября съѣздили къ развалинамъ Асса-Шари. 2 октября выѣхали изъ Люкчуна черезъ сѣверныя ворота на С. С. З., черезъ оазисъ Ланге-серъ, откуда повернули на С., затѣмъ на З., подошли къ линіи оазисовъ на р. Туюкъ, прошли черезъ обширное кладбище, далѣе въ Астану. Дневникъ отмѣчаетъ уже только 4 сентября выѣздъ изъ Турфана тою-же дорогою, какъ пріѣхали изъ Урумчи. На 7 октября, когда выѣхали изъ Дабанчена на Сае-ну,***) дневникъ прерывается до 15 октября, дня выѣзда изъ Урумчи. 26-е октября еще помѣчено, повидимому, около станка Ямату****) и 27 набросокъ горъ и одно слово Толи, повидимому, пикетъ Толу. На этомъ обрывается дневникъ, но изъ письма къ академику В. В. Фадлову изъ Чугучака отъ 30 октября мы узнаемъ, что экспедиція къ этому времени уже прибыла къ русской границѣ, и что раньше изъ Люкчуна М. С. Андреевъ ѣздилъ на осмотръ Лемджинскаго ущелья. Этимъ исчерпывается маршрутъ экспедиціи, прослѣженный нами въ той его части, въ которой онъ имѣлъ отношеніе къ буддійскимъ древностямъ. Точное выясненіе дорожника намъ представляется весьма существеннымъ для пониманія всякой экспедиціи и для возможности связать одну экспедицію съ другой, такъ какъ надо имѣть въ виду, что экспедиціи, посѣщающія мало извѣстныя страны, доставляютъ намъ въ своихъ дневникахъ и дорожникахъ ис-

*) Д. А. пишетъ Туюкъ, по картѣ Туекъ, въ нѣмецкомъ текстѣ Тоюк.

**) Д. А. пишетъ всегда Сырхебъ, мы слышали на мѣстѣ Сыркипъ.

***) У Д. А. здѣсь Сеона.

****) У Д. А. Яматей.

торическіе документы большой важности. Что бы мы не дали теперь, чтобъ знать точные дорожки многихъ старыхъ путешественниковъ, надъ выясненіемъ которыхъ ученые изоощряютъ свою сообразительность и острозуміе? Вмѣстѣ съ тѣмъ, сравненіе только что приведенныхъ данныхъ о пути экспедиціи съ данными о ея научныхъ результатахъ покажетъ намъ, какъ много сдѣлано Д. А. и его спутниками въ чрезвычайно короткое время, и заставитъ насъ пожалѣть о томъ, что именно на Турфанскій оазисъ экспедиція могла удѣлать такъ мало времени. Предшественники Д. А. по посѣщенію Турфана не интересовались его древностями, и онъ первый далъ намъ обстоятельныя свѣдѣнія о нихъ; тѣмъ болѣе приходится жалѣть о томъ, что краткость пребыванія въ Турфанскомъ краѣ и скудость средствъ помѣшали Д. А. спасти для науки то, что, благодаря ненаучнымъ приемамъ и жаждѣ къ захвату большого количества археологической добычи, безповоротно погибло впоследствии. Какъ извѣстно, «изслѣдованіе» древностей китайскаго Туркестана, производившееся лицами, почти исключительно весьма почтенными и достойными, представляетъ тѣмъ не менѣе печальную картину послѣдствій международнаго состязанія и безсистемности работы.

Самъ Д. А. смотрѣлъ на свою работу, и совершенно правильно, какъ на чисто развѣдочную: въ его распоряженіи было слишкомъ мало времени, силъ и средствъ для систематическаго изученія древностей Турфанскаго края. Онъ поставилъ себѣ задачей только выяснить въ общихъ чертахъ, что можно найти въ Турфанѣ, и что надо впоследствии сдѣлать для изслѣдованія этихъ древностей. Съ этой точки зрѣнія надо признать, что, принимая во вниманіе ограниченность времени въ его распоряженіи, Д. А. справился съ своею задачею въ весьма полной мѣрѣ.

Экспедиція дала намъ указанія относительно главнѣйшихъ мѣстъ, гдѣ остались памятники древности, и даже коснулась нѣкоторыхъ второстепенныхъ. Изъ книги Д. А. и изъ его дневниковъ видно, что слѣдующіе мѣста и памятники древности были осмотрѣны экспедиціею. Мы начнемъ ихъ перечисленіе съ запада, въ томъ же порядкѣ, какъ ихъ

осматривала экспедиція: 1. Старый городъ на Ярѣ;*) 2. Пещеры противъ города на правомъ берегу рѣки; 3. Пещеры погребальныя въ ложбинкахъ и ущельяхъ около Яра; 4. Старый Турфанъ, 5. Медресе съ башней около стараго Турфана, по отношенію къ которой Д. А. указываетъ на легенду будто бы здѣсь былъ несторіанскій храмъ; несмотря на самыя тщательныя разспросы, мы не могли найти подтвержденія существованію этой легенды въ Турфанѣ; 6. Развалины города Идикут-шари; 7. Развалины къ востоку отъ Идикут-шари; 8. Башня Тайзан въ Астанѣ; 9. Развалины у Сенгимагыза, входа въ Сенгимское ущелье; 10. Развалины въ ущельѣ Сенгимъ; 11. Пещеры Безекликъ, которыя Д. А. называетъ по имени деревни и рѣки Муртукъ; 12. Пещеры и развалины въ ущельѣ Туук-мазаръ; 13. Буддійская ступа въ Сыркиѣ; 14. Остатки древностей въ Лемджинскомъ ущельѣ; 15. Развалины монастыря къ югу отъ Люкчуна, называемыя Асса-шари. Позднѣйшія изслѣдованія и экспедиціи немного прибавили существеннаго къ этому списку. Это прежде всего древности въ ущельяхъ и на невысокихъ горахъ къ сѣверу отъ мусульманскаго Турфана: ущелья Курутка, Таллык-булак, Сассык-булак и мѣстность Шипан; затѣмъ ущелья и ложбинки къ сѣверо-западу, отъ Безеклика, извѣстныя, повидимому, у туземцевъ подъ названіями Бешбуха, Ходжамъ-булаге, Пака-булак; развалины на островкахъ болотистаго озера Чикан-коль, къ сѣверу отъ Сенгимскаго ущелья, на берегахъ этого озера и въ пещерахъ по близости, и наконецъ пещеры въ боковомъ ущельѣ, выходящемъ въ Лемджинское ущелье. Для всякаго путешественника ясно, какимъ образомъ въ мѣстности, не имѣющей сколько-нибудь надежной и подробной карты, Д. А. могъ пропустить тѣ или другіе небольшіе остатки древностей, особенно, принимая въ расчетъ, что у него въ распоряженіи было очень мало времени: на востокъ время— все, оно тамъ имѣетъ даже больше значенія,

*) Въ дневникахъ Д. А. всюду правильное названіе Ярѣ; въ книгѣ почему то взято совершенно неизвѣстное и неупотребительное Яр-хото Русскій аксакаль въ Турфанѣ, нынѣ покойный Ахрор-ханъ Тюря говорилъ намъ въ 1909 году, что Д. А. почему то называлъ городъ Яр-хото, и что послѣ него нѣкоторые другіе тоже стали употреблять неизвѣстное до того и неправильное „Яр-хото“.

чѣмъ деньги, ибо даже съ большими деньгами на востокъ въ короткое время сдѣлаешь немного. Разспросы туземцевъ даютъ сперва очень мало, особенно мало они могли дать Д. А., который первый началъ разыскивать древности въ Турфанѣ, денежное значеніе которыхъ въ то время Турфанцы себѣ еще мало представляли. Насколько трудно получить проводника, а, значить и доступъ къ рѣдко посѣщаемымъ развалинамъ, испытали, напр., и мы сами, когда, при гораздо болѣе благоприятныхъ, чѣмъ у Д. А., обстоятельствахъ, хотѣли въ 1909 году найти развалины недалеко отъ Карашара, приблизительное мѣсто которыхъ мы даже знали: туземцы по какой то причинѣ не захотѣли проводить насъ къ развалинамъ, обманывая разными рассказами—развалины мы такъ и не могли посѣтить. Поэтому еще разъ приходится пожалѣть о томъ, что экспедиція Д. А., обладавшаго, какъ путешественникъ, исключительными талантами, была такъ кратковременна. Это особенно отразилось на второй задачѣ, которую онъ преслѣдовалъ—найти рукописи, образа, статуетки и т. п. Здѣсь онъ почти ничего не могъ сдѣлать: самостоятельныхъ раскопокъ онъ по недостатку времени и средствъ вести не могъ, а туземцевъ приходится очень постепенно приучать къ продажѣ древностей, значеніе которыхъ, повторяю, въ 1898 году въ Турфанѣ совсѣмъ не признавалось. Уже много лѣтъ спустя, туземцы съ искреннимъ огорченіемъ рассказывали о массѣ рукописей и вещей, которыя они зря уничтожили, не понимая ихъ цѣнности: «сколько бы у насъ было теперь денегъ», говорили они. Тѣмъ не менѣе нѣкоторое количество уйгурскихъ, главнымъ образомъ, документовъ, рукописей и ксилографовъ было добыто Д. А., и матеріалы эти были использованы академикомъ В. В. Радловымъ. Инвентарный списокъ вещей и рукописей, привезенныхъ Д. А. и хранящихся въ музеѣ антропологии и этнографіи и Азіатскомъ Музеѣ Императорской Академіи Наукъ, будетъ изданъ нами.

Указавъ общій характеръ добытыхъ экспедиціею результатовъ, мы перейдемъ къ частнымъ указаніямъ методовъ ея работы и затѣмъ къ опредѣленію того, что сдѣлано экспедиціею. Для съемки не было достаточно времени, но Д. А. привыкшій въ путешествіяхъ къ маршрутнымъ кроки, кое-

гдѣ заносить ихъ въ свой дневникъ, точно такъ же, какъ и наброски плановъ пещеръ и зданій. Частью онъ воспользовался ими въ своей книгѣ, частью въ нихъ придется еще разбираться при изданіи оставленныхъ имъ матеріаловъ.

Для фотографированія экспедиція имѣла лишь аппаратъ съ пластинками 13×18 и фотобинокль. Нѣкоторыя изъ болѣе удачныхъ фотографій воспроизведены въ книгѣ; условія фотографированія въ пещерахъ чрезвычайно затруднительны, и потому число вполне удовлетворительныхъ снимковъ не могло быть велико. Опись этимъ фотографіямъ будетъ напечатана нами вмѣстѣ съ описью предметовъ и рукописей.

Кромѣ фотографій, экспедиція сняла нѣкоторое количество эстампажей съ надписей древне-турецкихъ, писанныхъ т. н. орхонскими письменами. Надписи эти, прочитанныя В. В. Радловымъ, были напечатаны имъ въ книгѣ Д. А.

Но планы, рисунки, фотографіи, эстампажи и случайныя покупки небольшого числа рукописей и предметовъ должны были, естественно, показаться недостаточными экспедиціи: видя передъ собою богатство росписи пещеръ и храмовъ, ясное представленіе о которой не могли дать ни рисунки, ни фотографіи, экспедиція стремилась привезти подлинники. Трудность здѣсь была, во-первыхъ, въ снятіи стѣнописи безъ поврежденія ея, а, во-вторыхъ, въ перевозкѣ. Разоренное состояніе многихъ пещеръ позволяло, безъ ущерба для пониманія и безъ того уже мѣстами до неузнаваемости разрушенной композиціи образовъ, брать отдѣльные куски росписи. Въ Турфанѣ, въ большинствѣ случаевъ, роспись нанесена на очень толстый слой глиняной штукатурки, и поэтому, при нѣкоторой тщательности работы, можно легко вынимать цѣльные куски росписи. Д. А. старался вынимать образцы разныхъ манеръ, и собраніе этихъ образцовъ, находящихся нынѣ въ Музеѣ Антропологии и Этнографіи, легко въ основу первымъ попыткамъ изслѣдованія искусства китайскаго Туркестана. Выпиливая съ большою осторожностью и съ разборомъ образцы росписей, Д. А. не избѣгъ однако нѣкоторыхъ ошибокъ: такъ, нельзя не признать, что правильнѣе было бы не выпиливать нѣкоторыхъ надписей, которыя безъ образовъ, къ кото-

рымъ онѣ относились, не могли почти имѣть значенія. Д. А. самъ впослѣдствіи призналъ свою ошибку и объяснялъ ее только тѣмъ, что онъ считалъ необходимымъ привезти и эпиграфическіе подлинники, т. к. самъ онъ надписей не читалъ. Надписи эти санскритскія, индійскими письменами брахми. Перечень ихъ войдетъ въ указанную выше опись научныхъ результатовъ экспедиціи Д. А. Мы остановились нѣсколько подробнѣе на вопросѣ о выпиливаніи фресокъ, потому что онъ пріобрѣлъ особенную жгучесть въ связи съ прусскими экспедиціями г. фонъ-Лекока, который, совершенно не считаясь съ научной стороною дѣла и имѣя въ виду исключительно музейные интересы, опустошилъ многочисленныя пещеры китайскаго Туркестана: безъ соотвѣтствующихъ приспособленій, совершенно первобытными способами, по усмотрѣнію г. фонъ-Лекока, вырѣзалась роспись цѣлыхъ стѣнъ или кусковъ стѣнъ, при чемъ, какъ мы въ этомъ убѣдились лично, безвозвратно погибло столько же, если не болѣе того, что было взято для Берлинскаго Музея. Будучи совершенно незнакомъ съ буддійскимъ искусствомъ, г. фонъ-Лекокъ вырѣзалъ фрески, можно сказать, ощупью. Совершенно другой характеръ носила работа Д. А., чрезвычайно осторожная и осмотрительная; онъ стремился брать лишь нѣкоторые, небольшіе образцы и только въ отношеніи нѣсколькихъ надписей пошелъ по неправильному пути.

Отличительнымъ признакомъ Д. А. Клеменца, какъ научнаго работника, было сознательное и опредѣленное отмежеваніе той области, въ которой онъ работалъ: онъ считалъ себя прежде всего, больше всего путешественникомъ, и соотвѣтственно этому и велъ свою работу. Онъ полагалъ, что ему прежде всего надлежитъ сдѣлать именно ту работу, которую можетъ сдѣлать только человѣкъ, работающій на мѣстахъ. Эту отличительную его черту мы видимъ и въ способѣ его работы въ Турфанской экспедиціи, въ его Турфанскихъ дневникахъ и въ его книгѣ. Онъ знакомится съ литературою вопроса, но не пытается лѣлать изслѣдованій, для которыхъ не чувствуетъ себя призваннымъ, а только освѣщаетъ для себя книжными данными собранный и видѣнный на мѣстѣ матеріалъ; онъ заботится о возможно точныхъ

описаніяхъ и о возможной, какъ мы это уже видѣли, полнотѣ указаннаго матеріала.

Просматривая записи относительно отдѣльныхъ мѣстъ, отдѣльныхъ пещеръ, мы видимъ, съ какой осторожностью Д. А. касается темъ, ему мало знакомыхъ: знаніе буддійской иконографіи, монгольской и тибетской, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могло подготовить къ пониманію образовъ Турфанской росписи, которые во многомъ и до сихъ поръ еще не поддаются толкованію специалистовъ. Но сдѣланныя Д. А. описанія, указанія на разныя манеры живописи возбуждали живѣйшій интересъ специальныхъ круговъ и указали на связь со стѣнописью буддійскихъ пещеръ Индіи.

Только при сравненіи книги Д. А. съ послѣдующими описаніями Турфанскихъ древностей другими экспедиціями, можно составить себѣ точное представленіе о значеніи работы Д. А., какъ перваго шага на томъ пути открытія новыхъ культуръ, которыя обнаружилъ для насъ китайскій Туркестанъ. То, что въ западной и южной части китайскаго Туркестана было сдѣлано находками и изысканіями Н. Ѳ. Петровскаго, то для восточной и сѣверо-восточной части страны было сдѣлано Д. А. Клеменцемъ и его экспедиціею. Цѣлый рядъ путешественниковъ былъ до него въ Турфанѣ, всѣ они видѣли хоть часть древностей края, которыя въ значительной мѣрѣ доступны были всякому проѣзжему, и тѣмъ не менѣе никѣмъ изъ нихъ не дано описанія древностей, достаточнаго для того, чтобъ вызвать вниманіе специалистовъ и побудить ихъ къ систематическому изученію края въ археологическомъ отношеніи. Достигнутые результаты и горячее сочувствіе его работѣ побудило Д. А. внести въ Восточное Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, вмѣстѣ съ Н. И. Веселовскимъ и С. Ѳ. Ольденбургомъ, предложеніе объ отправкѣ экспедиціи въ китайскій Туркестанъ, срокомъ на два года: въ экспедицію должны были отправиться Д. А. Клеменць и С. Ѳ. Ольденбургъ и изслѣдовать древности и сѣверной, и восточной, и южной части края. Предложенію этому, горячо поддержанному Обществомъ, съ его Августѣйшимъ президентомъ, Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ во главѣ, не суждено было осуществиться, вслѣдствіе кате-

горического отказа министра финансовъ Сергѣя Юльевича Витте. Русскимъ ученымъ и на этотъ разъ, какъ бывало и бываетъ нерѣдко, пришлось отойти на время отъ начатаго ими вполне успѣшно дѣла, которое перешло въ руки иностранныхъ, въ первую голову нѣмецкихъ, ученыхъ, получившихъ въ своей странѣ средства на экспедицію. Только много лѣтъ спустя, при условіяхъ гораздо менѣе благопріятныхъ, русскимъ ученымъ удалось продолжить дѣло Д. А. Съ благодарностью вспоминаютъ они его и будутъ всегда помнить, что начало научнаго изученія сѣвера китайскаго Туркестана положено экспедиціею Дмитрія Александровича Клеменца.

31. VII. 916.

Сергѣй Ольденбургъ.

